

Лекция 1. Внутренняя политика российского правительства в 1894–1904 гг.

План

1. Государственный строй Российской империи.
2. Мероприятия правительства в сфере экономики. “Система” С.Ю. Витте.
3. Аграрная политика царизма. “Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности”.
4. Рабочий вопрос и политика “полицейского социализма”.

Литература

1. История России и Украины (XIX – начало XX в.): учеб.-метод. пособие. В 2 ч. Ч. 2 / В.В. Сергеевкова; под ред. В.В. Сергеевковой, О.А. Яновского, В.И. Меньковского. Мн., 2010.
2. История России с древнейших времен до конца XX в.: В 3 т. Под ред. А.П. Новосельцева, А.Н. Сахарова и др. М., 2000. Т. 3.
3. Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1997. №4.
4. Лебедев В. Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.) // Отечественная история. 2001. №5.
5. Овченко Ю.Ф. Философия «полицейского социализма» // Вопросы истории. 1998. – №11/12.
6. Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – М., 2003.
7. Фурсенко А.А. С.Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX вв. // Новая и новейшая история. – 1999. – №6.
8. Хрестоматия по истории СССР. 1861-1917: Учеб. пособие для пединститутов / сост. В.А. Антонов и др.; Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1990.
9. Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. – Лондон, 1990.

1. Государственный строй Российской империи

"Последние полвека существования Российской империи были отмечены быстрыми и глубокими преобразованиями.

Либеральная историография дала оптимистическое истолкование этой эпохи. Согласно этому истолкованию быстрые социально-экономические перемены превратили бы Россию в конституционно-демократическую, индустриальную и процветающую страну, если бы они шли своим ходом и если бы не вмешалась злополучная Первая мировая война.

Консервативно-монархическая историография: Россия пользовалась растущими благами быстрого прогресса почти во всех областях благодаря тому, что народ и правительство сохранили нетронутыми принципы и традиции монархии, патриотизма и религиозности. Революция – несчастный случай, который был спровоцирован заговором врагов России – как внешних, так и

внутренних, подорвавшие социальные структуры и развратившие дух и душу народа.

Радикально-социалистические историки, уверены, что глубокие перемены ни в коем случае не могли привести Россию к свободе и процветанию, даже если бы не было Первой мировой войны и, если бы Россия осталась нейтральной. По их мнению, естественная эволюция, благоприятная для тех тенденций, которые отмечены и либералами, была заблокирована. Отчасти это произошло в силу имманентной динамики капиталистического и империалистического мира, отчасти в силу неспособности правящих классов понять эту динамику, и, наконец, ввиду существования самодержавия, остававшимся анахроническим несмотря на отдельные псевдоконституционные уступки.

Некоторые либералы считали этот последний фактор самым важным. Они приписывают ответственность за революцию имперскому режиму, который не сумел или не захотел допустить активное участие здоровых и прогрессивных элементов страны в политической жизни". (Марк Раев *"Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи"*. Лондон, 1990. С. 211).

Либеральные реформы 60–70-х годов XIX в. не затронули основ системы государственного управления империи. К началу XX в. Россия оставалась неограниченной монархией, что резко выделяло ее даже среди относительно развитых стран. Император сосредотачивал в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть. Он определял направление и характер внутренней и внешней политики, осуществлял высшее руководство вооруженными силами и гражданской администрацией. Любое волеизъявление монарха обретало силу закона.

В управлении империей царь опирался на разветвленный бюрократический аппарат. На протяжении XIX в. общая численность чиновников различных рангов увеличилась примерно в 7 раз и составляла к началу XX столетия примерно 385 тыс. человек, а вместе с канцелярскими служащими в аппарате управления было занято около 500 тыс. человек. Это была по тем временам значительная цифра, хотя, впрочем, не уникальная, если сравнивать с другими странами. Так, во Франции, численность населения которой даже вместе с колониями значительно уступала численности населения Российской империи, в государственном аппарате в 1914 г. служило 468 тыс. человек.

Капиталистическая эволюция России отразилась на составе чиновничества, прежде всего – в ведомствах, связанных с экономикой. В своей деятельности бюрократия вынуждена была больше считаться с интересами крепнувшей российской буржуазии. Тем не менее, важнейшей опорой трона, наиболее социально близкой самодержавию и бюрократии силой по-прежнему являлось дворянство. Владельцы земельной собственности – помещики – преобладали в высших эшелонах чиновничьей иерархии, хотя их число, по мере прогрессирующего оскудения дворянства, уменьшалось. Политический курс самодержавия вырабатывался в острой борьбе различных придворно-

бюрократических группировок. В России вплоть до 1906 г. отсутствовало правительство в юридическом смысле, т.е. не было высшего коллегиального исполнительного органа, осуществлявшего непосредственное управление страной. Руководители центральных звеньев государственного аппарата – министерств – действовали совершенно самостоятельно, мало считаясь, друг с другом и подчиняясь только царским указаниям. Министры не были объединены общей политической программой. Ведомственная разобщенность достигла значительных масштабов, негативно сказываясь на функционировании государственной машины.

20 октября 1894 г. от нефрита умер Александр III и на престоле в возрасте 26 лет, оказался новый император Николай II, имевший лишь незначительный опыт управления государством. Между тем смена царствования в России почти всегда была связана с надеждами в обществе на перемены либерального свойства, на дарование свобод. Все течения политической мысли оживились: при неограниченном самодержавии, личность самодержца, его характер и политические взгляды значили немало. Как вспоминал А.А. Кизеветтер: «Перемена царствования тотчас возбудила надежды на просветление политического горизонта». Скромный характер этих надежд определил другой свидетель и участник происходивших событий, В.А. Маклаков: «В России было традицией, что перемена политики совпадала со сменой ее самодержца; от Николая II ждали не конституции, ждали только прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе», т.е. господствующая в обществе идея носила либерально-консервативный характер отказа от реакционного курса умершего Александра III и возвращения к предшествующей политике его отца Александра II».

Первые годы после воцарения Николая II большое влияние при дворе продолжали сохранять К.П. Победоносцев, князь В.П. Мещерский и другие идеологи времен Александра III. Именно в этом окружении получила свое дальнейшее развитие концепция так называемого «русского самобытничества», обосновывавшая консервативный курс предыдущего царствования. Идеализированный период российской истории отодвигался новым мифом со времен правления Петра I назад, в эпоху Московского царства XVII в., которая представлялась как время гармоничного союза царя и народа. ореол «царя Московского», позволявший говорить от имени всей нации, по мнению его пропагандистов, был призван защитить абсолютную власть монарха от требований ее разделения с ненавистной императору европеизированной петербургской бюрократией и цензовой интеллигенцией. Идеалом Николая II был царь Алексей Михайлович. В его честь царская семья назвала своего наследника Алексеем. Показательно, что это имя было не в моде у российских императоров со времени смерти Петра I.

Наставления К.П. Победоносцева и других приверженцев традиций падали на благодатную почву. Известно, что в день смерти Александра III Победоносцев обратился с письмом к Николаю II, в котором предлагал официально заявить, в форме циркуляра министра иностранных дел к российским дипломатическим представителям за границей, о том, что политика

покойного императора «будет служить заветом и образцом для нового царствования». Уже в первом своем публичном выступлении Николай II назвал «бессмысленными мечтаниями» предложения об участии земств в делах внутреннего управления.

Таким образом, взошедший на престол царь не был способен проводить реформы, делая уступки духу времени. При этом Николай II был не властолюбивый человек. Подводя итоги году, в котором он стал императором «всея великая, и белая, и малая; царем польским, великим князем финляндским и проч., и проч., и проч.», он так завершил свою последнюю запись 31 декабря 1894 г. в дневнике: «Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, которая случилась в этом году. Но уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год, – потому, что для меня худшее случилось именно то чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о котором Я не мог даже мечтать – дав мне Аликс».

Не только тяготясь, но буквально мучаясь властью («непоправимое горе!»), Николай II все же и мысли не допускал о возможности передать хотя бы часть ее в чьи-то другие руки и постепенно заменить в России трехсотлетнее самодержавие конституционной монархией, если не английского, то хотя бы прусского типа. Во-первых, как глубоко религиозный человек он искренне мнил себя «помазанником божьим», не имеющим права отказаться от освященного якобы самим богом порядка, а во-вторых, считал себя обязанным передать своему наследнику всю ту полноту власти, которую он получил от отца. В этих убеждениях – об избранности и особенности исторического пути России – он был воспитан с «младенчества» К.П. Победоносцевым, твердо внушившим своему воспитаннику, что самодержавие – единственно возможный в России политический строй, желаемый народом России.

Кризисность ситуации, складывавшейся в стране в начале XX в., в той или иной степени осознавалась многими представителями правящих кругов. Однако вопрос о путях предотвращения революционного взрыва являлся объектом острых разногласий. Часть представителей высшей бюрократии видела выход в «увенчании» здания реформ 1860-70-х годов совещательным представительным органом, в проведении ряда других преобразований, призванных модернизировать существующий строй, в соглашении с умеренными элементами в оппозиционном движении. Наиболее консервативные круги в верхах, однако, упорно противились любым уступкам "духу времени", считая необходимым во имя предотвращения революции решительно пресекать любые "игры в конституцию". Эти взгляды, источником которых служила помимо прочего сознававшаяся верхами слабость российского либерализма, неспособность его сколько-нибудь прочно удерживать под своим влиянием народную стихию, были близки Николаю II (1868–1918).

В сановной среде традиционалистам противостоял министр финансов С.Ю. Витте. Царь же готов был поддерживать только те положения предложенной С.Ю. Витте программы форсированной модернизации

российской экономики, которые не затрагивали основ самодержавной системы государственного управления.

В 1902 г. министром внутренних дел был назначен В.К. Плеве – яркий представитель консервативного крыла высшей бюрократии, личный враг и идейный противник С.Ю. Витте. Ставка В.К. Плеве на полицейское умиротворение страны получила поддержку Николая II. Руководствуясь принципом "сначала успокоение, потом реформы", Плеве полагал, что первым делом нужно "привести в порядок Россию". Будучи при этом любителем образных выражений министр внутренних дел неоднократно заявлял, что "раньше, чем пустить жильцов, он хочет убрать комнату, расставить мебель, устроить окна, навесить двери, и тогда жильцы могут поместиться свободно и удобно". Однако общественность связывала имя министра с погромами в Кишиневе и Гомеле (1903), преследованием и высылкой земских деятелей. Именно при В.К. Плеве в стране была создана густая сеть охранных отделений. Тем не менее, 15 июля 1904 г. фон Плеве в карете, окруженный охранниками-велосипедистами, ехал на доклад к царю в Царское Село (вез с собой компромат на своего конкурента Витте, что он якобы является членом международной заговорщической группы, готовящей покушение на жизнь императора.). На улицах Петербурга его уже встречали расставленные Азефом Савинков, Созонов, Сикорский и Борищанский. Созонов бросил под карету бомбу огромной взрывной силы — Плеве был убит на месте. Не помогли и 800 тыс. рублей из государственной казны, которые он ежегодно тратил на свою личную охрану.

Гибель В.К. Плеве привела к некоторым переменам во внутривластном курсе. Новый министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский попытался найти общий язык с умеренным крылом оппозиции. Он вернул из ссылки опальных земских деятелей, ослабил цензуру и т.п. П.Д. Святополк-Мирский заявил о своей доверии к «обществу», что дало повод либеральной прессе провозгласить наступление «эпохи доверия». В ноябре 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский представил Николаю II доклад, в котором предлагал провести ряд реформ либерального толка. Центральным пунктом этой программы было предложение допустить выборных представителей к участию в законосовещательной деятельности. Планы П.Д. Святополк-Мирского встретили, однако, сопротивление консервативной части сановников, которых в итоге поддержал Николай II. В подписанном царем (12 декабря 1904 г.) по итогам обсуждения в правящих кругах программы П.Д. Святополк-Мирского именном указе ни о каком участии (хотя бы в будущем) представителей «общества» в законосовещательной работе речи уже не шло. Указ обещал постепенное уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, введение государственного страхования рабочих и т.п. Однако и с этими уступками самодержавие безнадежно запоздало. Указ 12 декабря 1904 г. уже не повлиял на дальнейшее развитие событий – менее чем через месяц после его появления в России началась революция.

2. Мероприятия правительства в сфере экономики.

“Система” С.Ю. Витте

В 1890-е гг. Витте выработал курс форсированной индустриализации с тем, чтобы за «две пятилетки» догнать передовые промышленные страны. Политику Витте Т. фон Лауэ называет революцией против отсталости.

Можно сказать, что советская политика ускоренной индустриализации имела своих предшественников. Как пишут современные историки, Витте доказал своей политикой невероятное: жизнеспособность феодальной по своей природе власти и условиях индустриализации, возможность успешно развивать экономику, ничего не меняя в системе экономических отношений и государственного управления. Причем главная особенность экономического курса Витте была связана с неограниченным использованием государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, которое уже в тот период вызывало отрицательную реакцию у разных течений российской общественности, хотя по несовпадающим причинам. В отличие от Александра III благоволившего к Витте, Николай II его окривенено не любил, но вынужден был терпеть и дорожить услугами Витте, так как в нем было единственное средство поддержания дряхлеющего организма самодержавия.

В период министерской деятельности С.Ю. Витте был принят курс на ускоренную индустриализацию России с использованием таких «козырей», как громадные природные ресурсы страны, дешевая рабочая сила, активная государственная поддержка и вложения иностранного капитала. Чтобы привлечь зарубежных инвесторов, необходимо было навести порядок в государственных финансах и обеспечить твердый курс национальной валюты. Таким образом, требовалось совместить трудно совместимое крупные государственные инвестиции и сбалансированный бюджет.

Новый министр финансов не начинал на пустом месте. При его предшественниках – Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградском железнодорожное строительство начало переходить в руки государства, был введен протекционистский тариф, ограждавший интересы национальной индустрии, росли косвенные налоги как источник дохода казны, начал накапливаться золотой запас. Но лишь при Витте все это обрело системность, было дополнено другими мерами, что придало цельность всей проводимой программе. Теодор фон Лауэ назвал ее – “система Витте”.

Витте исходил из следующей «цепочки развития». Главным звеном всего плана являлось железнодорожное строительство, которое дает импульс росту металлургии и топливной индустрии (угле- и нефтедобыче). Обе отрасли стимулируют развитие машиностроения, а та, в свою очередь – легкую промышленность. Таким образом, индустриализация под защитой протекционистских тарифов постепенно создает внутренний рынок. Железнодорожное строительство способствовало также формированию рынка индустриального труда. Кроме того, с проведением Сибирской магистрали (построенной в основном в годы Витте) начиналось перемещение населения центральных и южных губерний на Восток, освоение сибирских недр, вывоз местной сельскохозяйственной продукции в Европу, а также экспорт российской продукции в Китай и Восточно-Азиатский регион. С этой целью

было начато строительство Восточно-Китайской дороги в Маньчжурии. Все это были звенья единой стратегии, направленной на преодоление отсталости России. В докладе Николаю 2 от февраля 1900 г. С.Ю. Витте характеризовал экономический уровень России конца 19 века: «Россия и по настоящее время остается еще страной существенно земледельческой. За все свои обязательства перед иностранцами она расплачивается вывозом сырья, главным образом сельскохозяйственного, главным образом хлеба. Потребности свои в фабричных изделиях, горных продуктах она в значительной степени покрывает привозом из-за границы. Экономические отношения России с Западом вполне сходны с отношениями колониальных стран к своим метрополиям». Но Витте усматривал коренное отличие положения России от положения колоний: «Россия – политически независимая могущественная держава, которая развивает свою собственную национальную промышленность, обещающую стать надежным противовесом иностранному промышленному владычеству».

План Витте требовал огромных инвестиций. Одной из статей явилось бюджетное накопление. В 1894 г. Витте ввел винную монополию, что увеличило доходы государства от продажи спиртного на одну четверть. Были повышены и так уже немалые косвенные налоги-акцизы на предметы первой необходимости (соль, табак, сахар, спички, керосин и пр.). При Витте пропорция косвенных налогов по отношению к прямым была втрое выше, чем в Германии и вдвое выше, чем во Франции. Это свидетельствовало о степени тяжести налогообложения, чувствительного прежде всего для широких слоев населения. Но и прямые налоги также были увеличены. В целом за период 1893–1902 гг. налоговое бремя выросло почти наполовину, тогда как население – на 13%. Налоги вместе с питейной монополией (по существу разновидностью налога) формировали более 3/5 доходной части бюджета. Одновременно Витте сумел увеличить доходы государственных предприятий и имуществ. Так, используя свой опыт железнодорожных тарифов, он сначала уменьшил убыточность действовавших железных дорог, а затем даже получил от них небольшую прибыль. Ему удалось также существенно понизить долю бюджетных отчислений на армию и флот – до 22,5% (для сравнения: в 1863 г. они составляли 41%, в 1875–1885 гг. – 33%). Это дало ему возможность направлять в народное хозяйство (главным образом в промышленность и строительство) до 55% бюджетных ассигнований.

Далее, были капитализированы сбережения населения в сберкассах, которые за "десятилетие Витте" увеличились вчетверо. И хотя вкладчики составляли всего 3–4% населения, тем не менее, общая сумма вкладов в начале 1900-х годов была примерно 900 млн. руб. (для сравнения: годовой бюджета тогдашней России составлял порядка 1,5 млрд. руб.). Но для стимулирования промышленного развития этих средств было недостаточно. Поэтому министерство финансов прибегало к государственным займам – как внутренним, так и зарубежным. При Витте государственный долг России вырос на одну треть, достигнув в 1903 г. 6,7 млрд. руб. Но, во-первых, государственный долг регулярно и аккуратно обслуживался. Во-вторых, Витте, используя сравнительно благоприятную ситуацию на европейском финансовом

рынке (особенно французском), осуществил удачную конверсию внутренних займов во внешние, что понизило процентные выплаты по этим займам и увеличило кредитный фонд более чем на 1 млрд. руб. Все это вместе взятое дало возможность за десятилетие вложить в индустриализацию страны порядка 3,5 млрд. руб. государственных средств, из которых 2,5 млрд. покрывались за счет внутреннего денежного рынка (займов и накоплений), а 1 млрд. – заграничными займами.

Наконец, отличительной чертой эпохи Витте был активный приток иностранного капитала. В 1893–1900 гг. в России возникло около 200 новых иностранных (или с участием иностранцев) акционерных обществ. Некоторые банки были практически иностранными – Русско-Азиатский банк (72% иностранного капитала), Сибирский банк (60%). Московский частный банк (56%). Иностранные инвестиции шли в основном в угольную, нефтедобывающую, металлургическую промышленность. В некоторых отраслях или промышленных зонах (главным образом на Юге) достигая 70–80%. Такой прилив зарубежного капитала прямо стимулировался Министерством финансов, через низкие налоги, казенные заказы и пр. Сам Витте полагал, что ему удалось привлечь примерно 3 млрд. руб. иностранных инвестиций, и эта цифра не оспаривается.

Приход иностранного капитала в Россию был также во многом стимулирован введением твердой национальной валюты – золотого рубля, что было осуществлено Витте в 1897 г. К этому времени уже накоплен золотой запас, почти равный денежной массе, находившейся в обращении. Добившись устойчивого курса кредитного рубля, Витте девальвировал его в полтора раза, но далее уже новые бумажные деньги имели прочное золотое обеспечение. В оборот также была пущена золотая монета. Государственный банк превратился в резервную систему и эмиссионное учреждение, но с жестким ограничением: сверх золотого запаса можно было выпускать бумажных денег не более чем на 300 млн. руб. (примерно 40% от обеспеченной денежной массы). Золотой рубль укрепил позиции России на мировом финансовом рынке. Все это вместе взятое и обеспечило значительные показатели экономического подъема. В эпоху Витте ежегодные темпы роста по ряду базовых индустриальных отраслей были чрезвычайно высокими: в горной промышленности – 11,2%, в химической – 10,7%, в металлургии – 8,4%, в деревообрабатывающей промышленности – 9,3%. Происходил и технологический прогресс – доменные печи, поднявшиеся на юге России, превосходили тогдашние английские и немецкие аналоги. Число акционерных обществ более чем удвоилось. Наряду с государственными значительно расширились частные вложения (как отечественные российские, так и иностранные), которые, по некоторым оценкам, за период 1893–1902 гг. составили 4 млрд. руб. Это был предпринимательский бум. Безусловно, Россия все еще оставалась весьма отсталой страной. Несмотря на предпринятый индустриальный рывок и наращивание "вала" в производстве группы «А». Производительность труда на одного рабочего росла значительно медленнее и по-прежнему была гораздо ниже чем в Англии, в 3,5 раза меньше, чем в Германии, почти в 7 раз меньше, чем в Северной Америке. По подсчетам

академика С.Г. Струмилина доход на душу населения в России был в 6,8 раз меньше чем в США, в 4,7 раза меньше чем в Англии. Значительная часть населения жила ниже черты бедности. И, тем не менее серьезный сдвиг произошел, вектор развития был найден.

В работах Струмилина проводилось исследование зарплат рабочих и стоимости потребительской корзины рабочих семей с учетом изменения цен. Уже к 1866 г. заработная плата на Урале по сравнению с дореформенной возросла в 2 раза, а для рабочих низшего разряда – в 7 раз. Зарплаты в машиностроении за 1878–1900 г. увеличились на 43%. Средний годовой заработок рабочих в промышленности в 1896 г. составлял около 188 руб. При этом наблюдалась значительная дифференциация оплаты (от 88 до 606 руб. в год) по отраслям, регионам, уровню квалификации. К числу отраслей с самой высокой оплатой относилось машиностроение (среднегодовая зарплата равнялась 525 руб.). В то же время в хлопчатобумажной промышленности средний уровень оплаты труда в Московском районе составлял всего 166 руб. в год, а в Прибалтийском районе — 205 руб. В территориальном разрезе к числу наиболее высокооплачиваемых относился Северный, или Прибалтийский район.

Коммерц-коллегия уже в начале XIX в. исчисляла стоимость минимального бюджетного набора в Российской империи по 16 позициям с учетом непродовольственных товаров, включая холст, сукно, мыло, кожаные изделия, дрова. Но удельный вес отдельных позиций в бюджетном наборе менялся. Для 1913 г. он имел следующую структуру: продукты земледелия — 24,1%; продукты животноводства — 44,3; продукция лесоводства — 22,7; промышленные товары — 8,9%.

При относительно невысоком уровне потребления промышленных товаров в России в минимальный потребительский набор всегда закладывалось достаточное количество продуктов питания. Даже в условиях войны и инфляции в январе 1917 г. минимальный месячный продовольственный бюджет, рассчитанный по Обуховскому сталелитейному заводу в Петербурге (на семью из трех человек), включал 2,1 кг сливочного масла по 6,5 руб. за кг; 2,1 кг других жиров по 3,2 руб. за кг; 3,7 кг сахара по 2,7 руб.; ежедневно мясо или рыба (в зависимости от постов) на каждого члена семьи – 100 г мяса за 20 коп. или 200 г. рыбы за 20 коп.; ежедневно на семью 1 кг ржаного хлеба по 17 коп.; 600 г пшеничного хлеба за 30 коп.; 820 г картофеля за 20 коп.; 60 г кислой капусты за 30 коп.; 600 г крупы разной за 22 коп.; 1,5 л молока по 35 коп. за 1 л; полтора яйца. В целом прожиточный минимум на семью из трех человек, оцениваемый в 169 руб. в месяц, включал расходы на питание — 98 руб.; на жилье, включая освещение и отопление, — 29 руб.; на одежду и обувь — 42 руб.

Весьма низкими были цены на мясо. Дело в том, что в XIX — начале XX в. считалось вполне естественным, что движение по Европе с запада на восток сопровождалось снижением цен на продукцию животноводства, что объяснялось снижением плотности населения и обилием богатых пастбищ на просторах России. В конце XIX в. 1 фунт (400 г) мяса стоил в Лондоне около

50 коп., в Париже — чуть больше 29 коп., в Берлине — 25 коп.; в России — 12 коп.

3. Аграрная политика царизма. “Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности”

В 1898–1899 гг. аграрные проблемы оказались в центре внимания министра финансов С.Ю. Витте. Решение их он видел в уравнении крестьян в правах с другими сословиями, в предоставлении им права выхода из общины и закреплении надельной земли в личную собственность. Правда в государственной деятельности С.Ю. Витте произошла принципиальная трансформация его позиции по аграрному вопросу: он превратился из активного сторонника общинного землеустройства в его не менее активного противника. «Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, — писал он, — с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность». Однако такой проект реформ не нашел понимания со стороны правящих кругов.

Лишь кризис начала века, неурожай 1899 и 1901 гг. стимулировали создание ряда правительственных совещаний, главным из которых стало «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», образованное 22 января 1902 г. по инициативе Витте (председатель и 19 человек министров). Было образовано 618 комитетов в деятельности которых было задействовано 12 тыс. чел. Вопреки указаниям отдельных министров, председатели комитетов активно привлекали к работе земских служащих. Одну из основных причин упадка сельского хозяйства большинство уездных и губернских комитетов видело в недостатках законодательства. Главная мысль: предоставить всему крестьянству полные гражданские права. За уравнение крестьян в правах с другими сословиями высказались 103 уездных комитета, а против — 6. Вопрос о крестьянской общине был поставлен в 184 местных комитетах. Большинство из них высказались за упразднение общины, полагая, что частые переделы вынуждают крестьян истощать землю, не заботясь о ее плодородии, а затруднительность выхода из общины обостряет проблему малоземелья. Одним из наиболее распространенных мнений о способах роста доходности крестьянских хозяйств была трансформация общины в кооперативные союзы. 14 уездных и 2 губернских комитета предлагали для роста земельной собственности крестьян экспроприировать часть помещичьей земли. В этих комитетах центральной России доминировали представители земств и крестьянства. Таким образом, впервые в истории России власть предложила широким слоям высказаться по всем вопросам правительственного реформирования всего уклада крестьянской жизни, что выражалось в гласности деятельности комитетов.

Большинство полагало, что проводить какие-либо агротехнические мероприятия не имело смысла пока не был решен главный вопрос о предоставлении крестьянам гражданского равноправия. Путь к увеличению доходности крестьянских хозяйств видели в упразднении или реорганизации

общины. Меры в области арендных, трудовых отношений, налоговой и кредитной систем, местного управления, судеоустройства – производные от решения этого главного вопроса.

С.Ю. Витте резюмировал все выводы в «записке по крестьянскому делу», где он пишет, что «Общинное землевладение является институтом, который убивает основной стимул материальной культуры». Но отметил, что «принцип неприкосновенности общины должен быть совмещен с возможностью выхода из нее отдельных крестьян». Витте акцентировал внимание только на правовых аспектах аграрно-крестьянской реформы. При этом он проигнорировал вопрос о ее финансовой поддержке. Он не считал необходимым изыскивать большие средства на сельское хозяйство, полагая, что в случае проведения правовых реформ все проблемы деревни решатся сами собой. Однако Манифестом от 26 февраля 1903 г. Николай II поддержал линию В.К. Плеве на консервацию общины. Деятельность Особого совещания закончилась по указу Николая II 30 марта 1905 г. и не была завершена. Но в долгосрочном плане проекты местных комитетов сыграли важную роль, сказавшись на последующем ходе разработки аграрного законодательства. Вместе с тем, по инициативе Витте 12 марта 1903 г. отменялась круговая порука. А в следующем году появились законы, облегчающие переселение и паспортный режим для крестьян.

Витте высказывал глубокий протест против действий дворян-помещиков, претендовавших на получение постоянных кредитов у государства и в своей массе ведущих паразитический образ жизни. Признавая, что у истоков реформ 1860-х гг. стояла группа дворян окружавших Александра II, Витте писал, «что большинство дворян представляет кучку дегенератов». А на заседании Государственного Совета в 1895 г. он отмечал, что «дворянство жило преувеличенными надеждами на государственную помощь». Он сетовал, что 2 млрд. руб. полученные помещиками в качестве выкупа за крестьян в результате отмены крепостного права не были использованы должным образом на улучшение сельскохозяйственного производства. У государства на это нет средств. Неудивительно, что дворяне-землевладельцы враждебно относились к Витте.

4. Рабочий вопрос и Политика “полицейского социализма”

В рабочем вопросе правительство пыталось сочетать репрессивные методы против стачек с тактикой отдельных уступок. В 1894 г. была реорганизована фабричная инспекция: увеличен штат инспекторов, расширены их прерогативы. В 1897 г. издан закон, по которому рабочий не должен был превышать 11,5 часов. Фабричная инспекция должна была контролировать выполнение данного закона. В 1903 г. изданы законы о страховании рабочих за счет предпринимателей. Под влиянием стачечного движения возникла идея установления контроля полиции над создаваемыми т.н. «обществами взаимного вспомоществования рабочих». В 1901–1903 гг. по инициативе начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова в Москве, Петербурге, Киеве были созданы легальные рабочие организации под опекой полиции. Инициативу по созданию таких рабочих обществ принадлежала начальнику

московского охранного отделения надворному советнику С.В. Зубатову. Его именем названа политика «полицейского социализма» («зубатовщина»). Зубатов хорошо знал революционное движение в России и за рубежом, знал технику розыска. При нем московская охранка заняла ведущее место в системе розыскных органов самодержавия.

В 1901 г. Зубатов сформулировал свои мысли в записке, которую он передал генерал-губернатору Москвы великому князю Сергею Александровичу. Здесь Зубатов подробно проанализировал причины и состояние революционного движения, излагал меры для нормализации взаимоотношений между рабочими и фабрикантами. Зубатов обличал революцию, так как она отвлекает их от насущных проблем, уводя в политику. Причины борьбы рабочих Зубатов усматривал в их бесправии и незащищенности, а цель борьбы – в материальном благосостоянии и гражданских правах. Великий князь Сергей Александрович одобрил эту идею.

Зубатов сформулировал целую теорию, согласно которой решение рабочего вопроса заключается в создании материально независимого и политически самостоятельного рабочего сословия. Способ достижения цели – создание «рабочих общин» через организацию профсоюзного движения. Задача профсоюзов – идеологическое воспитание рабочих, формирование у них оппозиционных установок революционному движению и противодействие капиталистической эксплуатации. Зубатовские союзы активно вмешивались в конфликты между рабочими и предпринимателями, вынуждая последних идти на некоторые уступки.

Опыты «полицейского социализма» вызывали недовольство капиталистов. С «зубатовщиной» боролись и революционеры. Для них, как и для капиталистов, было опасно «рабочее сословие» – они теряли базу революционной борьбы. Таким образом, Зубатов оказался «между двух огней». Вдобавок ко всему еще выяснилось, что отдельные зубатовские организации примкнули к массовой стачке на юге России.

С.В. Зубатов в 1903 г. получил отставку, созданные им союзы прекратили свое существование. Однако в 1904 г. в духе зубатовской политики священник Г.А. Гапон с позволения властей организовал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», которое к 1905 г. объединяло около 10 тыс. человек. Впрочем, несмотря на общеизвестные контакты Г.А. Гапона с правительственными лицами и высшими чинами полиции, никаких документов о вербовке его в «секретные сотрудники» до сих пор не обнаружено. К тому же не вызывает сомнения тот факт, что к началу Первой российской революции гапоновская организация вышла из-под контроля правительства.